U 323/438

И. Г. Айвазовъ.

БИБЛІОТЕКА
ПРОТОІЕРЕЯ
І. І. ВОСТОРГОВА
343
Ч 323/438

„Новое Вселенское Христіанство — Религія Конца“

Древне-Іудейская и Христіанская

КУЛЬТУРЫ.

ХАРЬКОВЪ.
Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Гончар. бул., № 6/2.
1904.

В. 4046

И 323/438

Т/380

И. Г. Айвазовъ.

„Новое Вселенское Христіанство— Религія Конца"

Древне-Іудейская и Христіанская

КУЛЬТУРЫ.

ХАРЬКОВЪ.
Т-во „Печатня С. П. Яковлева", Гончаровскій бул., № 6/2.
1904.

А 2531

2007041208

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. 13 Сентября 1904 г. Цензоръ протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

55656-45

„Новое Вселенское Христіанство — Религія Конца". Древне - Іудейская и Христіанская Культуры.

I.

Зарябила поверхность русскаго моря... Послышался плескъ воды, мятежный ропотъ волнъ... Порывисто завылъ горячій вѣтеръ... Поплыли по небу тучи,—сплотились... Окуталъ землю мракъ... Блеснула молнія и пронеслись раскаты грома... Сильнѣй сгустилась тьма... Сперся воздухъ и стало душно!...

Какъ знакома намъ эта картина! Какъ часто даритъ насъ ею жизнь верхней – «интеллигентной» Руси!

Еще когда Московское боярство съ его лишь особыми привиллегіями сходило съ исторической сцены, когда на Руси шла первая безпощадная ломка воспитанія,— передовая Русь, дворянская и рангован, вступала на путь расхожденія съ простымъ народомъ въ пониманіи вопросовъ: общественныхъ, бытовыхъ и религіозно-нравственныхъ. Мощной рукой Преобразователя она повернулась лицомъ къ

прорубленному на Западъ окну и подчинилась вліянію новыхъ вѣяній. Длинной вереницей прошли по ней чуждыя ей теченія и въ литературной, философской, политической и религіозной жизни ея воцарился хаосъ. Калифами на часъ у ней побывали: и ложный классицизмъ, и сентиментализмъ и романтизмъ... Гостепріимно приняла она: энциклопедистовъ, идеалистовъ—творцовъ политическихъ доктринъ и туманныхъ идеаловъ съ «кипѣніемъ въ дѣйствіи пустомъ» и съ порывомъ «въ Наполеоны»..., эстетовъ—проповѣдниковъ объективно-мистической красоты и самоцѣнности искусства, вѣстниковъ абсолютной свободы, равенства и братства всѣхъ людей; затѣмъ позитивистовъ, матеріалистовъ, дарвинистовъ, марксистовъ и народниковъ... Параллельно этимъ теченіямъ въ религіозной жизни ея чередовались: то протестантскій раціонализмъ, то французское вольнодумство, то массонскій мистицизмъ, то крайній консерватизмъ (католичество), то снова либерализмъ и чисто-сектантскій мистицизмъ и, наконецъ, грубый атеизмъ..

На этой ступени своего религіознаго сознанія, обязанной сложившемуся направленію точныхъ, позитивныхъ наукъ, передовой человѣкъ развѣнчалъ себя: изъ существа съ орлинымъ полетомъ мысли онъ превратился въ крота, изъ царя природы въ ея раба, жестокимъ капризомъ слѣпой необходимости брошеннаго въ міръ, чтобы разыграть на сценѣ земли никому ненужную трагедію жизни! Вопросы

о самомъ смыслѣ жизни: зачѣмъ жить, бороться?.. вопросы о моемъ «я», о нравственномъ добрѣ и злѣ, о началѣ и концѣ вселенной... словомъ, все, на что не можетъ отвѣтить эмпирія, было осмѣяно и, по тактикѣ инсинуацій, объявлено «болотомъ реакціи», преступной «мистикой», дорогой въ «монастырь»!.. [1]) Предлагалось человѣку всецѣло погрузиться въ изслѣдованіе земли, созидать на землѣ царство «здороваго человѣка» съ хорошимъ аппетитомъ и съ темпераментомъ работать и бороться, насаждать культуру плоти съ ея вѣчной заботой: «что ѣсть? что пить? во что одѣться?» и какъ собрать эти сокровища въ наивысшей степени ихъ качества и количества?... Небесныя пространства съ ихъ безконечной глубиной и высокой истиной терялись изъ виду... [2]) Метафизика объявлялась схоластикой и религія суевѣріемъ, пережитымъ человѣчествомъ!.. [3]) Душа погружалась въ сонъ: но... не въ сонъ золотого вѣка, а въ сонъ мучительный, тревожный, отъ котораго человѣкъ просыпается, какъ шальной, и при мысли о которомъ всѣмъ своимъ существомъ вздрагиваетъ. Переполненная чаша точныхъ наукъ была испита жаждущими до дна и, какъ послѣ морской ропы, у нихъ еще сильнѣе загорѣлось вну-

---

[1]) «Нов. Путь», Мар. 86—104 стр. безсильныя выходки оппонентовъ С. Н. Булгакова.

[2]) Ар. Саббатье—«о безсм. души» стр. 6.

[3]) Л. Толстой: «Что такое искусство». М. 98 г. стр. 429 и «La Revue» Iuin 1902 г.

три и еще сильнѣе затомило ихъ жаждой! И они почувствовали, что, все, что казалось имъ прежде и не такъ давно незыблемымъ, какъ-то изветшало, обезцвѣтилось, посѣрѣло и не вызываетъ въ душѣ ихъ былого порыва, богомольнаго благоговѣнія и желанія отдаться безъ размышленія, безъ «думы роковой»; что былые «властители думъ» утратили былое обаяніе и ихъ имена ничего не возбуждаютъ въ душѣ; что «забылись» завѣтныя слова и ихъ старый вѣковѣчный смыслъ какъ будто утратился и остался только звукъ пустой!.. [1]) И обуяла особенно чуткую сердцемъ молодежь «міровая скорбь» и въ изнеможеніи она опустила руки: «куда мы летимъ? надъ чѣмъ повисли? что съ нами будетъ? зачѣмъ жить?..»—изъ глубины истерзаннаго сердца завопила она и поняла, что отцы въ себѣ и въ дѣтяхъ «убили Бога», но что дѣти безъ Него «такъ» зря «жить не могутъ», иначе они опустятся «на дно» съ омерзѣніемъ къ себѣ, къ жизни, ко всѣмъ [2]), или спасутъ себя отъ муки невѣдѣнія путемъ прекращенія жизни!..

Наступило время, полное нравственныхъ томленій и исканій вѣры и Бога. Обрисовалась мощная фигура гр. Л. Толстого. Раздалась громкая проповѣдь въ защиту нравственнаго смысла жизни людей и эта проповѣдь, въ связи съ литературною дѣятельностью великаго проницателя душъ Ѳ. До-

[1]) «Міръ Божій«, Дек. 1902 г. А. В.

[2]) «Нов. Путь», Февр. 161 стр. и Янв. 155 стр.

стоевскаго, до корней пошатнула господствовавшее въ то время матеріалистически-позитивное воззрѣніе на человѣка, по которому нравственное чувство въ немъ признавалось лишь обязательнымъ и непосредственнымъ результатомъ его умственнаго развитія и не имѣло собственной цѣны. Но нравственная проповѣдь гр. Толстого оказалась лишенной живительной влаги, такъ какъ отрѣшена была отъ религіи—отъ ея догматовъ о Личномъ Богѣ, о личномъ безсмертіи человѣка и загробной жизни и построена была не на Божественномъ или небесномъ идеалѣ чистоты и совершенства («будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный»—Ев. Мо. 5, 48), а на внутреннемъ сознаніи человѣка, на началахъ психологическихъ и метафизическихъ. Высшій смыслъ жизни каждаго человѣка былъ найденъ гр. Толстымъ только въ земномъ счастіи или благѣ всего человѣчества: земля признана раемъ и «Царствомъ Божіимъ»—братское единеніе всѣхъ людей (идеалъ матеріально-евдемонистическій и соціально-коммунистическій). Личность-же отдѣльнаго человѣка получала чисто-торговую цѣнность вещи, за которую цѣлымъ человѣчествомъ покупалось себѣ нѣкоторое благо жизни [1]). А самъ человѣкъ на вѣки погружался въ холодный мракъ могилы съ печальной улыбкой на устахъ: зачѣмъ онъ являлся въ

[1]) Смотрѣть весьма глубокую по содержанію брошюру проф. В. Несмѣлова: «Вопросъ о смыслѣ жизни». Казань. 1895 г.

свѣтъ? зачѣмъ онъ воспитанъ былъ землею? Развѣ для того только, чтобы кому-то, для него постороннему, доставить нѣкоторое счастіе жизни?!. Но и это общее благо жизни всего человѣчества не есть-ли «насъ возвышающій обманъ?..» Да и конецъ каждаго человѣка не есть-ли удѣлъ и всего человѣчества?.. Тогда небытіе не лучше-ли бытія?.. Изнывала душа подъ давленіемъ жгучихъ вопросовъ... а смерть жестоко смѣялась надъ ней!.. Такъ Толстовское «царство Божіе» съ его землистою моралью, переоцѣнивая всю культурную жизнь человѣка, бросало его въ объятья той глубокой древности, когда библейскій мудрецъ на могильномъ памятникѣ начерталъ: «блаженнѣе живыхъ и мертвыхъ тотъ, кто еще не существовалъ...» ибо здѣсь «все—суета и томленіе духа!..»

Жгучіе вопросы сильнѣе сцѣпились и массой налегли на душу. Блеснула молнія... На мигъ проснулась потребность въ свѣтѣ. Начались поиски вѣчной, божественной санкціи для морали... Но затѣмъ опять воцарилась тьма. Любовь, положенная въ основу земного блага людей, была обоготворена и, вмѣсто Живого Бога, явился безличный богъ—любовь, скованный все тѣми-же цѣпями земли и отдѣленный отъ послѣдней лишь пустымъ звукомъ: небесный Отецъ! И, хотя стали говорить о чувствѣ божественнаго, о сознаніи тѣсной связи съ Богомъ, о блаженствѣ прибѣгать къ Небесному Отцу, но, какъ справедливо замѣчаетъ Каро, этотъ

мистическій языкъ скрывалъ противорѣчіе. «Многіе изъ употребляющихъ его писателей отказываются (хотя ихъ настоятельно просятъ объ этомъ) отвѣтить на слѣдующій простой вопросъ: этотъ Отецъ, Которому вы поклоняетесь, существуетъ-ли въ дѣйствительности? Знаетъ-ли Онъ васъ и любитъ-ли васъ? И не есть-ли самая непосредственная, самая простая, самая очевидная истина—та мысль, что для того, чтобы поклоняться (adorer), нужно вѣрить въ реальность того Существа, къ Которому обращено наше поклоненіе (adoration), нужно вѣрить, что есть Богъ, Который насъ знаетъ, Который влечетъ къ Себѣ наше сердце и отвѣчаетъ ему взаимностью? Богъ нелюбящій не былъ-бы достоинъ поклоненія. Поклоненіе есть ничто иное, какъ высшая степень любви, а любовь немыслима безъ взаимности. Нельзя обожать и поклоняться закону, какъ-бы простъ и плодотворенъ онъ ни былъ; нельзя обожать слѣпую силу, какъ бы могущественна и универсальна она ни была, а также и абстрактный идеалъ, какъ-бы чистъ онъ ни былъ. Мы обожаемъ Существо, Которое есть живое совершенство, совершенство реальности въ ея высшихъ формахъ... [1]) Всякое другое поклоненіе и обожаніе есть или безсмыслица, или идолопоклонство

Такъ историческое шатаніе религіозной мысли необходимо должно было перебросить мостъ къ

[1]) Каро: «Идеи Бога и бесм. души передъ судомъ новѣйш. критиковъ». Хар. 98 г. стр. 545—546

старой и вѣковѣчной истинѣ—къ Богу живому, разумному и любящему. Сбывалось: «человѣкъ, дѣятельною любовію полюбившій, познаетъ и Личнаго Бога и личное безсмертіе» (О. Достоевскій).

Заговорилъ В. С. Соловьевъ... и личная и соціальная правда жизни обосновалась на религіозномъ идеалѣ и источникомъ истинной морали явился Личный Богъ—Христосъ. Раздался полный мужества голосъ С. Н. Булгакова въ защиту идеаловъ В. Соловьева, въ защиту метафизики и вѣры, на которыя втихомолку опиралось точное знаніе, но которыя громко объявляло своимъ врагомъ [1]). По всѣмъ примѣтамъ: Демокритъ и Парменидъ сдаютъ мѣсто Анаксагору!.

Подъ знамя, выброшенное В. С. Соловьевымъ и двумя другими—великими сынами православной Церкви—Гоголемъ и Достоевскимъ, сплотилась вѣлая дружина и въ основаніе своихъ надеждъ, въ залогъ своего будущаго она положила постепенное раскрытіе и уясненіе новой для мятущихся религіозной мысли въ послѣдовательности именъ своей «родословной»: Гоголя, Достоевскаго и Соловьева [2])—явился «Новый Путь»!

Всѣмъ хорошо извѣстно, гдѣ мыслью и сердцемъ всегда пребывалъ «кладезь религіознаго и національно-русскаго міропониманія»—О. М. До-

---

[1]) Рефератъ С. Н. Булгакова: «О философ. воззрѣніяхъ В. Соловьева»—см. «Нов. Путь», Март. стр. 71—104.

[2]) «Нов. Путь»—Янв. стр. 6-я.

стовскій и куда, послѣ мучительныхъ скитаній, пришли Гоголь и Соловьевъ .. Теперь посмотримъ, туда-ли ведетъ «Новый Путь» и тамъ-ли его конецъ, гдѣ въ Богѣ почила его «родословная».

II.

„Проклятые вопросы"!... Какимъ тяжелымъ камнемъ они налегли на человѣка, какъ сильно сдавили его грудь въ своихъ тискахъ, какъ полонили всѣ его думы и погрузили его въ ужасный кошмаръ!... Сколько разъ онъ рвался отъ нихъ на свободу, сколько разъ предавалъ ихъ поруганію; но..., какъ только собирался править надъ ними тризну, они снова воскресали и жестоко мстили ему за свой позоръ! И снова:

„Ночью надъ берегомъ бурнаго моря
Юноша грустный стоитъ.
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говоритъ:
О, разрѣшите мнѣ жизни загадку—
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ—
. . . . . .
. . . . . .
Въ чемъ состоитъ существо человѣка,
Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ,
Кто тамъ вверху, надъ звѣздами, живетъ"?..

Еще, кажется, никогда эти вопросы не ставились на Руси съ такою силой, какъ въ наше время. Длинный періодъ господства у насъ попиравшихъ вѣру кумировъ не одного скептика привелъ къ тому, что:

„Почуялъ духъ его смущенный,
Какъ много съ вѣрой потерялъ.

Онъ безъ надежды остается,
Ему прибѣжища ужъ нѣтъ,
И сердцемъ онъ къ той безднѣ рвется,
Гдѣ міръ когда-то видѣлъ свѣтъ"...

И вотъ только вчерашніе скептики съ сильнымъ порывомъ сердца въ «*Новомъ Пути*» заговорили, что «осмѣянный отцами «мистицизмъ»» есть единственный путь къ твердому и свѣтлому пониманію міра, жизни, себя»; что въ правдѣ о Богѣ, въ религіозномъ міропониманіи кроется разгадка всѣхъ терзающихъ душу «проклятыхъ вопросовъ» [1]) ..

Либеральный позитивно-атеистическій храмъ далъ огромную трещину... Еще недавно на его фронтонѣ гордо красовалась надпись: «моя религія—религія интеллектуальной культуры» (Гамбета); еще недавно массы съ восторгомъ поклонялись его кумирамъ и съ трепетнымъ сердцемъ внимали его рѣчамъ; еще недавно здѣсь раздавалась громкая и самоувѣренная проповѣдь, что образованный человѣкъ долженъ быть чуждъ всякаго суевѣрія или религіи и въ своей жизни долженъ руководиться лишь началами цивилизаціи, прогресса и прочихъ «стихій міра сего»; еще недавно здѣсь требовали, чтобы само христіанство, на ряду съ другими «политическими учрежденіями, приладживалось и жило въ мірѣ съ «мудростью міра» и поносили православіе, какъ «убѣжденіе убогихъ старушекъ Бѣлокаменной», какъ «осужденный исторіей византизмъ»! И вдругъ изъ среды доселѣ покорныхъ слушателей раздался

[1]) Январь, стр. 5—6.

громкій протестъ и храмъ треснулъ, и часть его отвалилась... Съ яростью индійскаго факира и съ грубой слѣпотою фетишиста заядлые либералы—творцы кумировъ и золотыхъ тельцовъ для обольщенной ихъ пустословіемъ толпы—набросились на «повернувшихъ» въ сторону отъ нихъ и, вмѣсто честнаго спора съ ними, прибѣгли къ жалкой тактикѣ инсинуацій, клеймя «новопутейцевъ» страшными для людей вѣка сего словцами!... Такъ проявили себя либеральныя «души, висящія подобно обвислымъ грязнымъ тряпкамъ..., хилыя и больныя общественнымъ мнѣніемъ»!..

Иначе, казалось бы, должны были отнестись къ «Новому Пути» проповѣдники религіознаго міросозерцанія, борцы за право человѣка вѣрить въ Бога и въ этой вѣрѣ находить единственный путь къ рѣшенію міровыхъ проблемъ. . Но и здѣсь «Новый Путь» былъ встрѣченъ далеко недружелюбно! Болѣе того, раздались голоса, признавшіе «Новый Путь» за «путь сатанинскій» и «новопутейцевъ»—за «послѣдователей Л. Толстого», отвергающихъ Христа, Церковь, таинства, іерархію...

Всматриваешься въ «Новый Путь» и невольно приходишь къ заключенію, что послѣдняго рода сужденія о немъ были вызваны царящей на его страницахъ «*принципіальной хаотичностью*»... [1]) Въ самомъ дѣлѣ, редакціонное предисловіе въ № 1-мъ

[1]) См. прекрасныя статьи А. Басаргина: «религіозное обновленіе»—«Москов. Вѣд.» №№ 52, 59, 66, 73, 80, 83, и 87.

журнала до того темно, неопредѣленно, до того въ немъ все высказано обще, что съ достовѣрностью можно было заключить лишь объ одномъ,—что «Новый Путь» будетъ стоять «на почвѣ религіознаго міропониманія»... Но какъ этого мало для людей вѣры! Невольно приходили на мысль тьмы религіозныхъ лжепстинъ... Возникалъ вопросъ, куда поведетъ «Новый Путь». Обѣщаніе редакціи обратить свою мысль въ сторону: Гоголя, Достоевскаго и Вл. Соловьева не разрѣшало вопроса, такъ какъ особенно въ наши дни принято безцеремонно эксплоатировать именами великихъ писателей для прикрытія нерѣдко совершенно чуждыхъ имъ идей!... Выходящія же книжки журнала давали мало матеріала для сужденій объ его направленіи. Приходилось искать отвѣта въ трудахъ столповъ «Новаго Пути»... Но здѣсь-то и царилъ «хаосъ»... И не только для читателей былъ темень «Новый Путь», но и въ средѣ главныхъ сотрудниковъ самаго «Новаго Пути» вскорѣ явилось разномысліе, вызвавшее редакціонную «необходимую поправку къ фельетону г. Розанова» [1]). Тогда «новопутейцы» in corpore нѣсколько приподняли завѣсу и заявили: «вся дѣятельность главнѣйшихъ сотрудниковъ «Новаго Пути» (напр., изслѣдованіе Д. С. Мережковскаго: «Л. Толстой и Достоевскій») свидѣтельствуетъ въ достаточной мѣрѣ о томъ, что они никогда не были «послѣдователями Толстого». Точно также и всѣ осталь-

[1]) «Нов. Путь», Апр., стр. 208.

ныя обвиненія (въ атеизмѣ, въ невѣріи во Христа, въ непризнаніи христіанства за абсолютную истину) могли возникнуть только вслѣдствіе совершеннаго незнакомства съ дѣятельностью главныхъ сотрудниковъ журнала, съ его программой, направленіемъ и содержаніемъ» [1]).

Мы охотно вѣримъ этой вынужденной исповѣди «Новаго Пути». Въ ней много сказано и для намѣченной нами цѣли. Зная, что «новопутейцы» не—«послѣдователи Толстого», не—«атеисты», а люди, вѣрующіе во Христа и признающіе христіанство за абсолютную истину, мы сосредоточимъ свое вниманіе на ихъ ученіи о Христѣ и христіанствѣ и на согласіи этого ученія съ воззрѣніями православной Церкви.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Д. С. Мережковскій пишетъ: «современному европейскому человѣчеству предстоитъ неминуемый выборъ одного изъ трехъ путей: первый—окончательное выздоровленіе отъ болѣзни, которую людямъ пришлось бы назвать въ такомъ случаѣ «Богомъ», выздоровленіе въ пошлости большей, чѣмъ современная, потому что теперь все-таки они еще страдаютъ: вѣдь даже и такой лакей, какъ Смердяковъ, въ концѣ концовъ не выдержалъ, повѣсился; окончательное же позитивное выздоровленіе отъ «Бога» возможно лишь въ совершенной, нынѣ только смутно предчувствуемой пошлости соціальной вавилонской баш-

[1]) «Нов. Путь», Апр., стр. 169.

ии, всечеловѣческаго «муравейника»; второй путь—гибель отъ этой же болѣзни въ окончательномъ упадкѣ, вырожденіи, «декадентствѣ», въ безуміи Ницше и Кириллова, проповѣдниковъ Человѣкобога, который будто бы уничтожитъ Богочеловѣка; и наконецъ, третій путь—религія послѣдняго великаго соединенія, великаго символа, религія Второго, уже не тайнаго, скрытаго, какъ Первое, а явнаго пришествія въ силѣ и славѣ,—религія Конца» [1].

Нѣтъ сомнѣнія, что «третій путь» и есть собственно «*Новый Путь*». Но что же это за «Религія Конца»?

На это намъ отвѣчаетъ Мережковскій приблизительно такъ: древнѣйшія многовѣковыя культуры—арійская (древне-греческая) и семитская (іудейская)—задумались надъ тайной «Божьей твари», надъ

---

[1] «Л. Толстой и Достоевскій».—Оттискъ изъ жур. «Міръ Искусства» за 1900 г. ч. I и II, стр. 170,—Подъ «Вторымъ Пришествіемъ» здѣсь разумѣется «Царство Духа, грядущее послѣ царства Сына» (Ев. Ін. 16, 12—14)...—Нельзя находить различіе между «Царствомъ Сына» и «Царствомъ Духа», какъ это дѣлаетъ Мережковскій (170—171 стр.), такъ какъ «Царство Духа» есть собственно продолженіе «Царства Христа», ибо и Христосъ сказалъ, что «Духъ *не отъ Себя* говорить будетъ, а *отъ Моего* возьметъ и что «Царство Духа» есть лишь служеніе «свидѣтельства о *Христѣ*» (Ев. Ін. 15, 26; 16, 13—14). Посему и «Второе Пришествіе» есть въ сущности «Первое Пришествіе» или «Первое Царство *Христа*», Который былъ, есть *и будетъ*, а не только «былъ и есть», какъ думаетъ Мережковскій, относя «*будетъ*» къ «Царству Духа»...

«единствомъ внѣшняго, стихійнаго, и внутренняго, духовнаго, до—и сверхъ—животнаго міра» И въ то время, какъ арійцы съ безпечною легкостью *символизировали* или *соединили* божеское, духовное съ животнымъ и даже растительнымъ, и притомъ такъ, что въ Великомъ Панѣ съ Козломъ, въ Ледѣ съ Лебедемъ, въ Дафнѣ съ Лавромъ трудно было отдѣлить божеское отъ животнаго и растительнаго,—крошечное племя семитовъ во всей многообразной языческой плоти увидѣло лишь бездушное тѣло, лишь «мясо», годное для кровавыхъ жертвъ и всесожженій Единому Богу Израиля. Этимъ ядомъ отреченія или умерщвленія плоти, ядомъ уединенія въ страшной духовной пустынѣ и почитанія лишь «чистаго духа», всего безкровнаго и *безплотнаго*, іудейство заразило и поздній эллинизмъ, когда столкнулось съ нимъ въ школѣ Александрійскихъ неоплатониковъ, неопиѳагорейцевъ, гностиковъ,—иначе въ томъ горнилѣ, гдѣ образовался сплавъ именуемый «христіанскою мудростью» Только что хлынувшія изъ Азіи въ Европу новыя арійскія племена съ дѣтскою простотой приняли утонченѣйшій и опаснѣйшій плодъ двухъ соединенныхъ и уже истощенныхъ культуръ. Посему въ христіанствѣ ихъ поражала, плѣняла, какъ плѣняетъ ужасъ, притягивала, какъ притягиваетъ бездна, именно та сторона его, которая была наиболѣе чуждою и противоложною ихъ собственной природѣ,—сторона исключительно семитская: добродѣтель, какъ умерщвленіе

плоти, какъ отреченіе отъ міра, какъ уединеніе въ страшной духовной пустынѣ, на вершинѣ тѣхъ столбовъ, на которыхъ коченѣли столпники,—взглядъ на собственное тѣло, какъ на нѣчто неискупимо-грѣшное, звѣрское, скотское, взглядъ на всю животную стихійную природу, изъ которой они сами только что вышли и которую все еще слишкомъ любили,—какъ на порожденіе дьявола.

Между тѣмъ въ глубинѣ Семитства,—въ Лицѣ Мессіи—Христа, совершился переваль къ Арійству—отъ выжженной мертвой пустыни Израиля, гдѣ дымятся лишь остатки жертвъ,—къ цвѣтущему Божьему саду, новому раю, гдѣ—виноградныя лозы и птицы, и колосья и бѣлыя лиліи, и бѣлые голуби рядомъ съ мудрыми змѣями,—вся многообразная, многоязычная «Божья тварь»,—все живое, животное и растительное,—словомъ, поворотъ отъ умерщвленія плоти къ *воскресенію плоти*... Какъ будто два противоположные генія міровой культуры,—духъ семитскій и арійскій, духъ смерти и жизни, сквозь вѣка и народы тяготѣли, стремились другъ къ другу и, наконецъ, вдругъ встрѣтились, какъ два полюса, двѣ половины, два *пола* міра, для какого-то послѣдняго сліянія, соединенія—символа...

Но древній чистый духъ семитства, воплотившись въ Іудѣ, не принялъ такого Мессіи, не принялъ, потому что не понялъ Сына Человѣческаго. Другіе приняли, но тоже не поняли, что Плоть и Кровь можетъ быть Духомъ и Словомъ. Господь претворилъ

вић самаго тѣла», что святость значитъ безтѣлес
ность, безплотность, что духъ противоположенъ
плоти, какъ вѣчное добро вѣчному злу... Отсюда—и
и выводъ: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ:
кто любитъ міръ въ томъ нѣтъ любви Отчей; ибо
все, что въ мірѣ—похоть плоти, похоть очей и гордость
житейская, не есть отъ Отца но отъ міра сего.—Весь
міръ лежитъ во злѣ». Міръ есть отрицаніе Бога;
Богъ есть отрицаніе міра—не какой либо части міра,
а міра, какъ цѣлаго, какъ опять таки абсолютной
сущности [1]). Такъ Духъ Семитства пронесся, какъ
огненный вихрь, надъ всею европейскою культурою,
изсушая послѣдніе цвѣты и плоды греко-римской
древности,—до самаго Возрожденія, гдѣ, повидимому,
онъ изнемогъ. Въ эпоху Итальянскаго Возрожденія
«волшебный демонъ» Микель Анджело впервые съ
небывалою смѣлостью обнажилъ человѣческую плоть
отъ тысячелѣтняго христіанскаго покрова, впервые
снова, послѣ древнихъ, заглянулъ въ бездну плоти
и пробудилъ вѣчно юную арійскую думу о соединеніи
божескаго и звѣрскаго, «о Божьей твари», о Богѣ—
Звѣрѣ... Немного ранѣе Анджело, другой «подолъ»
Возрожденія—Леонардо-да-Винчи заглянулъ въ про-
тивоположную и равную бездну духа. Но какъ у
Анджело плоть не стала духомъ, такъ у Леонардо
духъ не воплотился и остался безплотнымъ и безкров-
нымъ. Попытка Рафаэля соединить двѣ бездны—

[1]) См. тамъ-же стр. 131 и еще Т. II, стр. 484 493 и «Новый
Путь» мартъ—стр. 123–124; 140–141.

Анджело и Леонардо—не удалась: вмѣсто единства получилось—«и нашимъ и вашимъ», такъ какъ Рафаэль захотѣлъ быть только художникомъ и религіозную идею принесъ въ жертву «чистому искусству». Возрожденіе «не удалось»!

Въ наше время духъ Возрожденія съ необычайной силой пробудился въ Л. Толстомъ и Достоевскомъ. Первый снова дерзнулъ обнажить человѣческое тѣло отъ всѣхъ культурно-историческихъ покрововъ, снова заглянулъ въ бездну плоти,—второй обнажилъ внутреннюю бездну, бездну духа. Первый, какъ тайновидецъ плоти, стремится къ одухотворенію плоти,—второй, какъ тайновидецъ духа, стремится къ воплощенію духа. И тотъ и другой въ своемъ сознаніи лишь раздвоили и углубили то, что стихійно и безсознательно соединялось въ Пушкинѣ, —этомъ русскомъ Рафаэлѣ. Но если религіозное созерцаніе Плоти у Толстого—*тезисъ*, религіозное созерцаніе Духа у Достоевскаго—*антитезисъ* русской культуры, то не слѣдуетъ-ли заключить, по закону «діалектическаго развитія», о неизбѣжности и русскаго *синтеза*, который, по своему значенію, будетъ въ то же время всемірнымъ, о неизбѣжности послѣдняго и окончательнаго Соединенія, Символа, высшей, чѣмъ у Пушкина, потому что болѣе глубокой, религіозной, болѣе сознательной гармоніи?.. [1]).

[1]) «Л. Толст. и Достоев.» 1900 г. ч. I и II, стр. 171—179.

«Тайна Воскресенія Плоти не открывается въ нынѣшнемъ христіанствѣ, говоритъ Д. Мережковскій [1]) еще сохраняется въ немъ старая семитическая религіозная закваска—это почитаніе «чистаго духа», всего отвлеченно-духовнаго, безкровнаго и *бестелеснаго*, этотъ взглядъ на животную природу, если уже не какъ на нѣчто грѣшное, дьявольское, то все же унизительное, скотское, и наконецъ, этотъ столь чуждый древнему арійству, столь чисто-семитскій страхъ передъ непокрытымъ тѣломъ, передъ наготою, какъ передъ чѣмъ-то постыднымъ, прелюбодѣйнымъ, оскверняющимъ [2]). Открытіе этой тайны — тайны Воскресенія Плоти—предстоитъ лишь будущему, воистину «новому, вселенскому христіанству»—въ немъ высшій *синтезъ*, *соединеніе*, *равновѣсіе* двухъ началъ - плотскаго и духовнаго, человѣческаго и божескаго, земного и небеснаго... [3]). Здѣсь,—въ этой соединяющей, *символической* глубинѣ религіознаго содержанія,—животное въ человѣкѣ столь же свято и небесно, какъ духовное, такъ что плоть и духъ только въ своихъ видимостяхъ, только въ явленіяхъ—противоположны, но въ послѣдней, потусторонней сущности — едины. Здѣсь открывается «святость всякаго тѣла, духовность всякой плоти», не только

---

[1]) «Новый Путь» Мар. стр. 144.

[2]) «Л. Толст. и Дост.» 1900 г. стр. 121—122. —Въ этом Мережковскій видитъ, между прочимъ, застарѣлую дурную привычку «лже-христіанства» или «павліанства» (?.)—см. там же стр. 59.

[3]) «Нов. Путь», Мар. стр. 123, 145.

безплотная святость, но и *святая плоть*, переходъ человѣческаго въ божеское не только чрезъ духовное но и чрезъ животное. Здѣсь небо и земля имѣютъ свои идеалы, подобно тому, какъ «плоть» имѣетъ значеніе самостоятельное, а не подчиненное по отношенію къ духу: бездна нижняя или «небо внизу» и бездна верхняя — «небо вверху» — равноправны, равны и окончательно соединяются въ «Религіи Конца».. [1]).

Начало этой «Религіи», начало «*Святой плоти*» Мережковскій видитъ въ *искусствѣ*. Если, говоритъ онъ, сущность «историческаго» христіанства въ умерщвленіи плоти, въ безплотной духовности, то и искусство въ немъ не можетъ быть святымъ въ христіанскомъ смыслѣ, потому что всякій художественный образъ есть все-таки не безплотная духовность, а одухотворенная плоть или воплощенный духъ [2]). Но въ «Религіи Конца» искусство есть начало «*Святой Плоти*» и потому свято и при томъ свято не собственной святостью, а святостью *религіи*, которой оно служитъ. Врагъ Рафаэля и особенно Пьетро Аретино, который признавъ «*искусство не для религіи, а какъ религію*, безбожную религію наслажденія— «искусство для искусства» [3]), Мережковскій, а за

---

[1]) «Л. Тол. и Достоев.» 1900 г. ч. I и II, стр. 59, 122, 131; «Нов. Путь» Янв.—«Записки религ.-философ. собраній»—стр. 32.

[2]) «Новый Путь» Мар. стр. 143—144.

[3]) «Л. Толст. и Дост». 1900 г. стр 171—172.

нимъ и всѣ «новопутейцы», съ особенной настой чивостью твердятъ, что вся роскошь міра—всѣ блага культуры, научно-философской мысли, искусства, литературы и т. п. должны быть внесены за ограду религіи и тамъ освящены религіозной истиной [1]. «Нельзя пользоваться благами культуры, пишетъ Минскій, крадучись, урывомъ, прячась отъ собственной совѣсти. Мы хотимъ пользоваться откровенно роскошью міра, роскошью искусства, роскошью науки. Культурное общество хочетъ жить освященной жизнью и приходитъ къ церкви, какъ къ источнику святости, не съ тѣмъ, чтобы отречься отъ плодовъ культуры, а съ тѣмъ чтобы освятить ихъ» [2]. Мы не хотимъ отрекаться, какъ того требуетъ «историческое» христіанство, отъ любви къ жизни, къ искусству, къ знанію, къ нашимъ вѣрнымъ учителямъ—Пушкину, Достоевскому, Гоголю,—говоритъ Философовъ, а хотимъ освятить ихъ въ Церкви, хотимъ сознательнаго принятія Церковью земли, какъ неба [3].

Таковъ компендій «Новаго Вселенскаго Христіанства» или «Религіи Конца», предлагаемой русскими людьми «новаго религіознаго сознанія»—«*Новаго Пути*» Православной Церкви, отъ которой они ждутъ себѣ «дѣятельной, положительной помощи и благословенія»..

---

[1]) «Новый Путь» Янв. стр. 25.

[2]) «Новый Путь» Февр. «Записки религ.-филос. собр.» стр. 111.

[3]) «Новый Путь» Янв.—Записки рел. фил. собр.» стр. 10—

III.

Глубоко неправъ г. Мережковскій въ своей оцѣнкѣ духа семитской—іудейской культуры. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что іудей, впротивовѣсъ арійцу—древнегреку, смотрѣлъ на собственное тѣло, какъ на нѣчто пескупимо—грѣшное, звѣрское, скотское, на всю многообразную языческую плоть (на всѣ племена и языки), какъ на бездушное тѣло, или мясо, годное лишь для кровавыхъ жертвъ Богу Израиля,—на всю животную стихійную природу, какъ на порожденіе діавола,—на всю вообще плоть, какъ на проклятое, бѣсовское, противоположное духовному или божескому и, наконецъ, на весь міръ, какъ на отрицаніе Бога, и на Бога, какъ на отрицаніе всего міра...

Не знаю, сознательно или случайно, но только этотъ фундаментъ, на которомъ Мережковскій построилъ свое обвиненіе «историческаго» христіанства, былъ взорванъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ того же «*Новаго Пути*»!.. Въ статьѣ г. Розанова: «чувство солнца и растеній у древнихъ евреевъ»—читаемъ: «между іудеемъ и эллиномъ, іудаизмомъ и эллинизмомъ была разница въ нѣкоторыхъ характерностяхъ, въ «акцентѣ» религіозномъ; но разницы, такъ сказать, въ самомъ языкѣ религіи, въ ея душѣ не было». И въ іудействѣ г. Розановъ находитъ «много природы», видитъ «таинственное съ природой кохованье» и притомъ съ природой.

текущей «вслѣдъ Господу», какъ Его «воскрилія», открываетъ священныя изображенія херувимовъ и «лики святыхъ деревъ» и даже пріобщенный къ вѣрѣ «языкъ цвѣтовъ и плодовъ», усматриваетъ «до изліянія святое отношеніе къ тварямъ» и свѣтиламъ небеснымъ и вообще сліяніе съ «избраннымъ народомъ» всей природы: растительной и животной и, наконецъ, общія у іудеевъ и эллиновъ моленія и жертвы въ *Іерусалимскомъ* храмѣ... Такъ что весь міръ въ іудействѣ является «Лицомъ Божіимъ» [1]...

И мы полагаемъ, что если г. Розановъ не во всемъ здѣсь правъ [2]), то во всякомъ случаѣ онъ совершенно правъ въ своемъ полномъ отрицаніи взгляда г. Мережковскаго на духъ семитской—іудейской культуры.

---

[1]) «Новый Путь» Мартъ, стр. 162—171.

[2]) Въ отсутствіи разницы въ «духѣ» религій іудейской и эллинской мы отнюдь не можемъ согласиться съ г. Розановымъ!.. Сверхъ этого, замѣтимъ, что напрасно г. Розановъ совершенно справедливую мысль о религіозной связи іудея съ природой основываетъ на тѣхъ мѣстахъ св. Писанія, которыя осуждаютъ ненормальныя проявленія этой связи, какъ напримѣръ: *Іова* 31 гл. ст. 26—27 и особ. 28 *ст.*, который нужно было прочитать,—*Іезек.* 8, 16, 17 ст., гдѣ было нужно прочесть и ст. 18. Въ библіи нѣтъ недостатка въ мѣстахъ, санкціонирующихъ связь іудея съ природой и ихъ то и нужно было привесть. Въ противномъ случаѣ, при методѣ г. Розанова, можно обвинить религію Израиля и въ сослуженіи языческимъ «богамъ»!..

Въ самомъ дѣлѣ, уже на первыхъ страницахъ религіозно-бытового кодекса еврейскаго народа—библіи читаемъ, что весь міръ—«небо и земля и все воинство ихъ»: и свѣтъ и тьма, и всѣ свѣтила небесныя, и все царство водное—рыбы большія и всякая душа животныхъ пресмыкающихся, и вся зелень земная, и всѣ скоты и гады и звѣри земныя и птицы небесныя и, наконецъ, человѣкъ были «совершены» или «созданы *Богомъ*» и что все «это *хорошо*» и «*хорошо весьма*». Въ частности, тамъ-же говорится, что именно *Богъ* взялъ «одно изъ *реберъ*» человѣка и «закрылъ то мѣсто *плотью*», а *изъ ребра* создалъ жену и привелъ ее къ человѣку и *человѣкъ* сказалъ: «вотъ, это *кость отъ костей* моихъ и *плоть отъ плоти* моей... потому оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей; и будутъ (два) *одна плоть*». И были, заключаетъ бытописатель, оба *наги*, Адамъ и жена его, *и не стыдились*... Далѣе, тамъ-же говорится, что человѣкъ былъ сотворенъ *по образу* и *подобію Божію* и что между нимъ,—а слѣдовательно чрезъ него и между *Богомъ*,—и всею землею со всѣмъ ея «воинствомъ» установлена Творцомъ тѣсная связь—связь «обладанія, воздѣланія, храненія и владычества надъ всею землею» [1]..

Гдѣ-же тутъ «умерщвленіе плоти», ея «проклятіе», ея «бѣсовское происхожденіе»?!. Гдѣ «страхъ предъ наготою тѣла, какъ предъ чѣмъ-то постыднымъ,

[1] «Бытія» 1. 25, 26, 28, 31; 2, 1, 5, 7, 15, 19, 21, 22.

прелюбодѣйнымъ и оскверняющимъ»?! [1]) Гдѣ отрицаніе «божескаго» въ животномъ и растительномъ царствѣ?!. Гдѣ отсутствіе связи между человѣкомъ и остальнымъ міромъ?!. Гдѣ, наконецъ, отрицаніе Богомъ міра, гдѣ міръ, какъ отрицаніе Бога?!. Развѣ не безпредѣльное уваженіе человѣка къ своей плоти и притомъ къ плоти обнаженной,—не таинственно-божественную связь между всѣмъ міромъ и человѣкомъ, а чрезъ послѣдняго и съ Богомъ,—не міръ, какъ утвержденіе Бога и не Бога, какъ Творца міра, во всемъ разнообразіи его плотп, возвѣщаютъ уже первыя главы книги Бытія, когда рисуютъ изначальный или идеальный міропорядокъ?!.

Ну, а далѣе? Подъ вліяніемъ злобно-разумной силы человѣкъ познаетъ зло,—въ немъ появляется «похоть плоти, очесъ и гордость житейская» [2])... Тогда-то онъ впервые узнаетъ, что «нагъ» и, убоявшись своей наготы, спѣшитъ скрыть ее подъ смоковнымъ опоясаніемъ (Быт. 3, 7—11). За этимъ первымъ нарушеніемъ міровой гармоніи идутъ другія. Жена изъ помощницы мужу превращается какъ-бы въ рабу его; ея половыя отношенія къ нему извращаются: «умножая умножу скорбь твою въ беременности твоей: въ болѣзни будешь рождать дѣтей; и *къ мужу* твоему *влеченіе твое*, и онъ будетъ *господствовать* надъ тобою» (Быт. 3, 16). Мужъ обрекается на скорбный трудъ... Появляется смерть...

[1]) «Л. Толст. и Достоев.» 1900 г. ч. I и II стр. 122.

[2]) «Бытія» 3, 4 6, сравн. съ 1 Іоан. 2, 16.

Проклинается *земля* за грѣхъ человѣка и человѣкъ проклинается *отъ земли* за невольное участіе ея въ его преступленіи [1])...

И если теперь мы пройдемъ черезъ всю исторію библейскаго Израиля, то увидимъ, что его отношеніе къ своей плоти, какъ къ святой, что его религіозное общеніе съ «Божіей тварью» и со «всей многообразной языческой плотью» все болѣе и болѣе проявлялось, по мѣрѣ роста его земного могущества и благоденствія. Вспомнимъ сказанія библіи о томъ, какъ Самъ Господь и Ангелы Его являлись *во плоти* человѣка (Быт. 18; Дан. 7), какъ херувимы изображались съ *лицами человѣческими* (Iезек. 41, 19) какъ знаменія Своего завѣта Господь клалъ на *плоти* человѣка (Быт. 17; Второз. 6, 7—9), какъ жестоко былъ наказанъ Хамъ за осмѣяніе *наготы* отца своего, которая для другихъ сыновей Ноя была *святыней*, своего рода «ковчегомъ откровенія, на который Израильтянамъ нельзя было смотрѣть» (Быт. 3, 21; 9, 22—23; Числ. 4 15—19—20), какъ сильно желалъ Іосифъ окончательно почить *костьми* своими въ землѣ обѣтованной, въ мѣстѣ постояннаго пребыванія его сыновъ (Быт. 50,25—26; Іис. Нав. 24, 32), какъ «чтились» у Израильтянъ *кости и тѣла* праведныхъ мужей (Ic. С. Сир. 48, 49; Ис. 66; Пс. 33; 4 Цар. 23), какъ заботились Израильтяне о чистотѣ *тѣла*, узаконивъ «различныя омовенія, до плоти относящіяся» (Числ. 19; Евр. 9, 10—13),

[1]) «Бытія» 3, 17 и 4, 11, сравн. Римлян. 8, 19—23.

какъ жестоко они карали оскверинвшихъ *тѣло* свое чрезъ оскопленіе (Второз. 23, 1), какъ всего себя и плоть и кровь свою—Израиль считалъ «святымъ» (Исх. 19), какъ наконецъ, и что особенно важно, онъ училъ о *воскресеніи* для жизни вѣчной «*мертвыхъ тѣлъ*» (Пс. 26, 19; Іоан. 11, 24; Лк. 20, 27—39; Дѣян. 24, 14—15)!..

Какая опять тѣсная связь между человѣкомъ и «Землею со всѣмъ ея воинствомъ»! Какое божественное пониманіе стыда наготы, какъ наказанія за грѣхъ, а не какъ закона природы! Какой божественный взглядъ на многообразную плоть»: и зачала Ева, и родила Каина, и сказала: пріобрѣлъ я *человѣка отъ Господа*»..., и «принесъ Каинъ отъ *плодовъ земли* даръ *Господу*», а Авель «отъ первородныхъ *стада* своего и отъ тука ихъ» (Быт. 4, 1—4)!..

А вотъ предъ нами на страницахъ той-же библіи и «вся Божья тварь», вся «многообразная языческая плоть». Когда Господь заключалъ Свой завѣтъ съ Израилемъ, то не съ нимъ только, но чрезъ него и со всякимъ «иноплеменникомъ—не отъ сѣмени Авраама» и «со всякою плотью, которая на землѣ..., и съ птицами, и со скотами, и со всѣми звѣрями земными»,—словомъ, со «всею землею»... Посему и «знаменіе завѣта», какъ напримѣръ радуга, было «знаменіемъ» для всей плоти, для всей земли; посему и къ обрѣзанію пріобщались не только «иноплеменники», но даже «плодовыя деревья и виноградники», и Богу посвящались всѣ первенцы «отъ

человѣка до скота» и «жатвеннаго снопа» (Быт. 9, 17; Исх. 13 Лев. 19, 23—25). Замѣчательно, что вмѣстѣ съ Израилемъ и чрезъ него Господь благословлялъ и проклиналъ всякій плодъ земли и на землѣ, всѣ стихіи природы: «благословенъ ты... и плодъ земли твоей, и плодъ скота твоего, и плодъ твоихъ воловъ .. и наоборотъ: «проклятъ ты... и житницы твои... и плодъ земли твоей, и плодъ твоихъ воловъ, и плодъ овецъ твоихъ... и небеса твои, которыя надъ головою твоею, сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобою желѣзомъ»... (Второз. 28, 3—24). Вмѣстѣ съ человѣкомъ у Израильтянъ празднуетъ, ликуетъ (Исх. 20, 10; Лев. Г.25, 2; Ис 56, 9), постится, скорбитъ и покрывается вретищемъ «вся земля»: «сѣтуетъ земля... рыдаютъ виноградники.... стонетъ скотъ... уныло ходятъ стада воловъ.... томятся овцы... и взываютъ... и крѣпко вопятъ къ Тебѣ, Господи»!.. (Іоиль 1 гл., сравн. Іоны 3 гл.). «Скотъ также чувствуетъ происходящее», говоритъ праведный Іовъ: «спроси у скота и научитъ тебя, у птицы небесной и возвѣститъ тебѣ; или побесѣдуй съ землею и наставитъ тебя, и скажутъ тебѣ рыбы морскія», хотя Господь и «научаетъ насъ болѣе, нежели скотовъ земныхъ, и вразумляетъ насъ болѣе, нежели птицъ небесныхъ» (Іовъ 12, 7—8; 35, 11; 36, 33)!.. Израиль «веселится предъ Господомъ», взявъ въ руки «вѣтви красивыхъ деревъ, вѣтви пальмовыя и вѣтви деревъ широколиственныхъ и вербъ рѣчныхъ».. (Лев 23, 40). И Моисей съ божественнымъ умиленіемъ говоритъ:

о вожделѣнныхъ дарахъ неба, о росѣ, о дарахъ бездны, лежащей внизу, о вожделѣнныхъ плодахъ отъ солнца и произведеніяхъ луны... о крѣпости первороднаго тельца и рогахъ буйвола, о силѣ и быстротѣ льва!.. (Второз. 33). Вотъ почему Псалмопѣвецъ призываетъ къ прославленію Бога: и ангеловъ, и солнце и луну, и всѣ звѣзды свѣта, и небеса небесъ, и воды превыше небесъ, и рыбъ и всѣ бездны, и огонь, и градъ, и снѣгъ, и туманъ, и бурный вѣтеръ... и дерева плодоносныя и всѣ кедры, и звѣрей и всѣхъ животныхъ, и пресмыкающихся и птицъ крылатыхъ, и царей земныхъ и князей и судей и всѣхъ людей!.. (Псал. 148). И дѣйствительно, во «святомъ» Іерусалимскомъ храмѣ, гдѣ «возсѣдалъ на херувимахъ Богъ Израиля» (Исх. 25, 22; Псал 17, 11; Дан. 3, 54), собрались «небо и земля со всѣмъ воинствомъ своимъ» и тамъ совокупно прославляли Творца (Псал. 28, 9). Тамъ были въ рѣзныхъ изображеніяхъ: и херувимы, и львы, и волы, и распускающіеся цвѣты, и пальмовыя дерева, и гранатовыя яблоки, и огурцы, и литое изъ мѣди море, и цвѣткообразные свѣтильники, и для куреній ониміамъ, и для возженія елей, и муро для священнаго помазанія и т. д... (Исх. 25—30). И что особенно замѣчательно, такъ это соединеніе въ изображеніяхъ херувимовъ: человѣка, звѣря и птицы: «и у каждаго херувима—два лица; съ одной стороны къ пальмѣ обращено лицо человѣческое, а съ другой стороны къ пальмѣ лицо львиное» (Іезек. 41, 18—19), и по два распростертыхъ вверхъ крыла

(Исх. 25, 20; 3 Цар. 6, 24)!... И въ этотъ храмъ для поклоненія Богу Израиля и притомъ съ надеждой быть услышанными и получить просимое имѣли право входить и всѣ иноплеменники изъ земли далекой (3 Цар. 8, 41—43).

Гдѣ же, спросимъ г. Мережковскаго и другихъ «новопутейцевъ» и когда Израиль почиталъ только «чистаго духа», только «все отвлеченно—духовное, безкровное и безплотное?!.» Гдѣ и когда онъ смотрѣлъ на свое тѣло и на всю плоть міра,—отъ человѣка до скота, и звѣрей, и птицъ, и рыбъ, и растеній и свѣтилъ небесныхъ,—какъ на «порожденіе діавола», какъ «на неискупимо—грѣшное, проклятое, бѣсовское?!.» Гдѣ и когда онъ признавалъ «весь міръ, какъ отрицаніе Бога», и «Бога, какъ отрицаніе всего міра?!.»

Развѣ не Израиль призналъ себя «святымъ» и *плоть* человѣка достойнѣйшимъ *образомъ* Бога и Ангеловъ Его?!. Развѣ не Израиль пріобщилъ къ своей святости, къ своему религіозному общенію съ Богомъ «всю Божью тварь» и «всю многообразную языческую плоть?!.» Развѣ не онъ одухотворилъ плоть, плотское, земное и воплотилъ духъ, духовное, небесное?!. Развѣ не онъ *объединилъ* въ религіозно-символическомъ образѣ трехсоставнаго херувима: человѣка, звѣря и птицу?!. Развѣ не онъ *воскресилъ плоть*, повѣривъ въ «воскресеніе мертвыхъ тѣлъ?!.»

Откуда же у г. Мережковскаго и К° тако
порицаніе іудейства и униженіе его предъ элли
низмомъ?!. Откуда увѣреніе, что якобы «отрицані
Богомъ міра—природы» (да такъ-ли?!.) отравило
истощило божественные родники семитской—іудей
ской культуры?!. Откуда, наконецъ, такой панегі
рикъ «совершенному эллинству», которое якоб
«также довѣрчиво къ жизни, безстрашно къ смерт
(?!.), такъ же умѣетъ преходящее дѣлать непреходя
щимъ», какъ и «самое чистое, совершенное хри
стіанство?!.» [1]).

Мы глубоко убѣждены, что всѣ подобнаго род
сужденія идутъ не изъ основательнаго и безпристра
стнаго изученія «новопутейцами» духа семитской
арійской культуръ, а все изъ того же злосчастнаг
у насъ на Руси стремленія къ рабскому подражани
и усвоенію чужихъ взглядовъ, мнѣній, сужденій.
все изъ той же боязни: «а что скажетъ княгин
Марія Алексѣвна?..»—разумѣй: пресловутая Европа!

Лозунгомъ курса «Исторіи Религій»—Д. П. Шан
тепи-де-ля-Соссей служитъ мысль, что у семитов
«на первомъ планѣ стоитъ религія, тамъ (у арій
цевъ)—культура; здѣсь Богъ является въ исторіи
тамъ—въ природѣ (Максъ Мюллеръ)»... Главны
религіи индо германцевъ, по Шантепи,—«предста
вительницы развитаго и одухотвореннаго политеизма
Между тѣмъ какъ семиты обращали свои взоры к

---

[1]) «Л. Тол. и Достоев.» Оттиск. жур. «Міръ Искусст.» 1900
стр. 20.

небесному, а ихъ религіи проникались духомъ подчиненія, абсолютной зависимости, индо-германцы, напротивъ, остановились на процессѣ внутренней міровой жизни: въ ихъ религіи никогда не существовало рѣзкаго разграниченія между божескимъ и человѣческимъ...» [1]) Но какъ въ «*Новомъ Пути*» вторая страница отрицаетъ первую, такъ и въ курсѣ Шантепи!.. Тамъ же, въ статьѣ проф. Валетона: «Израильтяне» читаемъ: Максъ Мюллеръ заходитъ слишкомъ далеко, когда онъ считаетъ за рѣзкую противоположность между Семитами и индо-германцами то, что первые познаютъ Бога въ исторіи, а вторые въ природѣ. У семитическихъ боговъ часто тоже стоитъ на первомъ планѣ дѣятельность ихъ, проявляемая въ явленіяхъ природы!..» [2]).

А между тѣмъ г. Мережковскій и К⁰ на этомъ шаткомъ основаніи строятъ свое «Новое Вселенское Христіанство!..»

Впрочемъ неудивительно! Тамъ, гдѣ нѣмецъ заходитъ только «слишкомъ далеко», русскій обязательно, упершись въ одну точку, доходитъ до крайностей! Пересаживая къ намъ плоды нѣмецкихъ оранжерей и перекраивая на итальянскій манеръ русскихъ писателей, г. Мережковскій главное-то и позабылъ... Вѣдь именно эллинство-то и *умерщвляло плоть* когда погружало ее въ холодный мракъ могилы и когда, какъ и всѣ языческія религіи, опре-

---

[1]) Томъ II, стр. 3, 1899 г. М.

[2]) Томъ I, стр. 357.

дѣляло человѣка лишь какъ счастливаго, или несчастнаго сына земли, невѣдомо зачѣмъ землею воспитаннаго и опять невѣдомо зачѣмъ въ ту же самую землю отходящаго!.. [1]) Нѣтъ, въ эллинствѣ не «безстрашіе къ смерти», а поразительное безсиліе и замаскированный страхъ предъ нею, о которую сокрушались всѣ мечты язычника—арійца о божественномъ величіи человѣка! Не «богъ», и не царь, а рабъ и презрѣнный червь—человѣкъ, и вся жизнерадостность арійца—какой-то тяжелый кошмаръ!.. Между тѣмъ, іудей умиралъ съ ясной и твердой надеждой на *воскресеніе плоти* своей и печаль какъ бы скользила по лицу его, лишь на-мигъ отравляя его покой!.. И не призракъ-ли жизнь, не тѣневое-ли «воскресеніе плоти» такъ увлекло г. Мережковскаго и повело многихъ по «Новому Пути?!.» Да, видно, что

«тьмы мелкихъ истинъ намъ дороже
пасъ возвышающій обманъ!..»

IV.

Мы уже видѣли, что г. Мережковскій глубоко неправъ въ своемъ подражательномъ и до-нельзя избитомъ взглядѣ на духъ семитско-іудейской культуры [2]). Между тѣмъ на этомъ взглядѣ «новопу-

[1]) См. брошюру проф. В. Несмѣлова: «Вопросъ о смыслѣ жизни» — Казань, 1895 г.

[2]) Въ погонѣ за эффектами мозговыхъ операцій въ пользу своего взгляда на іудейскую культуру, г. Мережковскій иногда пренебрегаетъ даже сказаніями Евангелистовъ. Такъ, онъ

тѣцы» строятъ своей обвинительный актъ противъ «историческаго христіанства»!.. Нельзя говорить о прочности зданія, воздвигаемаго, по меньшей мѣрѣ, на проблематическомъ основаніи. Нельзя говорить о зараженіи «историческаго христіанства» ядомъ старой семитской культуры, когда наличность яда въ этой культурѣ больше, чѣмъ сомнительна. Все

говоритъ, что Іуда «предалъ Сына Человѣческаго, чтобы спасти міръ» и предалъ потому, что «не понялъ, что Духъ и Слово можетъ быть Плотью и кровью», а не понялъ потому, что «былъ воплощеніемъ древняго чистаго духа семитства» («Л. Тол. и Дост.». 1900 г. стр. 131)!..—Мы уже говорили, что древнему іудейству было присуще пониманіе «воплощенія духа». Здѣсь-же замѣтимъ, что взглядъ Мережковскаго на фактъ предательства Іудою Христа стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ сказаніями Евангелистовъ. Изъ Евангелій видно, что Іуда отличался сильною страстью къ наживѣ—«былъ воръ» и предалъ Христа лишь по мотиву: «что вы дадите мнѣ»?.. Редактируя вновь Іуду, г. Мережковскій, очевидно, не предвидѣлъ, что новоявленный Іуда въ корнѣ подрываетъ его взглядъ на семитскую культуру. Въ самомъ дѣлѣ, если Іуда въ своихъ отношеніяхъ ко Христу былъ «воплощеніемъ древняго чистаго духа семитства», то вѣдь предательство Христа онъ вскорѣ понялъ, какъ жестокое уклоненіе отъ нормы этихъ отношеній, говоря: согрѣшилъ я, предавъ Кровь невинную». И раскаяніе его было такъ глубоко, а сознаніе безсилія возстановить норму такъ мучительно, что онъ «удавился»!.. Слѣдовательно, въ лицѣ Іуды «древній чистый духъ семитства» осудилъ не Христа, а Іуду, или, лучше сказать, фактъ предательства Іудою Христа и признаетъ Христа «невиннымъ»!.. Слѣдовательно, и здѣсь «чистое іудейство вопіяло не объ умерщвленіи плоти», а о ареваніи ей жизни!..

это азбучныя истины и жаль, что приходится напоминать объ нихъ!..

Но если древнее іудейство нисколько неповинно въ обвинительномъ актѣ Мережковскаго, то не также-ли и не болѣе-ли неповинно въ томъ-же преступленіи «историческое» и, въ частности, православное христіанство?

Г. Мережковскій утверждаетъ, что «тайна Воскресенія Плоти» не открывается въ «нынѣшнемъ» христіанствѣ, что въ немъ еще сохраняется «застарѣлая дурная привычка лжехристіанства, или, лучше сказать, павліанства» (?!), состоящая въ томъ, что «старое», «византійское», «скопческое», «аскетическое» и «прелюбодѣйное» (?!) христіанство якобы обезплотило Христа, отвергло въ человѣкѣ плоть, признало, что не какая-либо часть или свойство плоти, земли, любви къ себѣ, а вся плоть въ существѣ своемъ, какъ мистическое начало, противоположно другому началу, какъ зло добру, вѣчное лавѣчному нѣтъ, какъ проклятое, бѣсовское—святому, божескому, что тѣло въ человѣкѣ есть нескупимо—грѣшное, звѣрское, скотское, а вся животная, стихійная природа—порожденіе діавола, что «жить въ Богѣ—значитъ жить внѣ тѣла», что святость значитъ безтѣлесность, безплотность, что духъ противоположенъ плоти, какъ вѣчное добро вѣчному злу, что міръ есть отрицаніе Бога и Богъ есть отрицаніе міра, не какой-либо части міра, а міра, как и благо, какъ опять-таки абсолютной сущности, что

именно отсюда вытекаетъ: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей; ибо все, что въ мірѣ: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего... Весь міръ лежитъ во злѣ» (1 Іоан. 2, 15—16; 5, 19) [1])!..

Разумѣя подъ «историческимъ христіанствомъ» христіанство со временъ Апостоловъ и до нашихъ дней включительно, г. Мережковскій и свое обвиненіе предъявляетъ ко всему «историческому» христіанству, не исключая и Апостольскаго.

Не новы, конечно, обвиненія на Апостоловъ въ непониманіи ими ученія Христа: въ чужихъ подвалахъ они уже давно заплѣснѣли и только у насъ почему-то еще претендуютъ на свѣжесть и даже новизну!.. Между тѣмъ и поверхностнаго знакомства съ твореніями Апостоловъ достаточно, чтобы признать обвинительный актъ Мережковскаго, по меньшей мѣрѣ, голословнымъ.

«Не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей... Дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога... Весь міръ лежитъ во злѣ» (1 Іоан. 2, 15; 5, 19; Іак. 4, 4)...— говорятъ намъ Апостолы и въ то-же время заявляютъ, что «такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго... чтобы міръ спасенъ былъ

[1]) «Л. Тол. и Достоев.» 1900 г. ч. I и II-я, стр. 59, 121, 131; т. II, стр. 474, 493; «Нов. Путь» мар., стр. 123—124; 140—141; 144.

чрезъ Него», потому что «міръ и началъ быть чрезъ Него» (Іоан. 1, 10; 3, 16—17)... Какое, повидимому, глубокое противорѣчіе! Съ одной стороны, міръ дѣйствительно есть отрицаніе Бога и дружба съ міромъ—не только отрицаніе любви Отчей, но и вражда противъ Бога,—съ другой, міръ есть объектъ высочайшей любви Божіей и наилучшее свидѣтельство о бытіи Творца!.. Но въ томъ-то и дѣло, что противорѣчіе здѣсь только кажущееся. *Всякій*-ли міръ, по ученію Апостоловъ, есть отрицаніе Бога и со *всякимъ*-ли міромъ дружба Богопротивна?

Апостолы ясно говорятъ намъ о двухъ мірахъ, или точнѣе о двухъ теченіяхъ міровой жизни. Первое—когда міръ жилъ по законамъ своего Творца, второе—когда онъ преступилъ волю Бога и въ своемъ паденіи дошелъ до того, что «никто въ немъ не ищетъ Бога», такъ что «весь міръ оказался» «виновенъ предъ Богомъ» и попалъ во власть «духовъ злобы поднебесныхъ», которые, какъ новые «міроправители», пересоздавали его по своимъ законамъ «тьмы» (Римл. 3, 9, 19; Ефес. 6, 12). Послѣдній міръ Христосъ и Апостолы называютъ: «міръ *сей*»; онъ дышетъ «духомъ» діавола и его «обычаемъ» служитъ «воля князя власти воздушныя» (Іоан. 14, 30; 16, 11; 18, 36; 1 Іоан. 2, 16; 1 Кор. 2, 12; Ефес. 2, 2). Объ этомъ и только объ этомъ «мірѣ» говорятъ Апостолы: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ... Ибо все, что въ мірѣ... не есть отъ Отца, но отъ міра *сего*»... Только объ этомъ «мірѣ»

и Христосъ говорилъ Пилату; «царство Мое не отъ міра *сего*», или въ молитвѣ къ Отцу: «они (ученики) *не отъ міра*»... потому что «приняли не духа міра *сего*, а духа отъ Бога»... При этомъ необходимо помнить, что Апостолы, предостерегая христіанъ отъ любви къ «міру сему», разумѣли любовь, побуждающую идти по стопамъ любимаго существа, но отнюдь не любовь, которая спасаетъ грѣшника, такъ какъ спасеніе грѣшнаго міра было выше человѣческихъ силъ. Когда-же Апостолы говорили о любви къ грѣшному міру со стороны Бога, то разумѣли уже любовь, спасающую міръ отъ грѣха: «такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго..., чтобы міръ *спасенъ* былъ чрезъ Него»... Какъ только Богъ «во Христѣ *примирилъ* міръ съ Собою»,—въ «мірѣ *семъ* образовался новый міръ или «новая тварь», воспринявшая Христа и отвергшая «обычай міра сего» и дѣйствующую въ немъ «волю князя власти воздушныя». И любовь къ этому *новому міру*, какъ подражаніе дѣламъ «новой твари», Апостолы возвѣщали въ каждомъ словѣ своемъ (2 Кор. 5, 17; Ефс. 4, 22—24). Этотъ-же міръ являлся самымъ лучшимъ *утвержденіемъ* Бога и дружба съ этимъ міромъ была единственнымъ, угоднымъ Богу дѣломъ (Мо 5, 16).

Значитъ, вопреки утвержденію г. Мережковскаго, въ «историческомъ» христіанствѣ *не всякій* міръ есть отрицаніе Бога и Богъ есть отрицаніе *не всякаго* міра, тѣмъ болѣе *не всего* міра, какъ цѣлаго, какъ

абсолютной сущности!.. Значитъ и заповѣдь Апостола: «не любите міра»... вытекаетъ не изъ отрицанія Богомъ *всего* міра!.. «Не любите міра, но только «*міра сего*», въ которомъ царитъ воля діавола; любите міръ искупленный, новую тварь, которая «во Христѣ». И таковой «тварью» можетъ быть *всякая* тварь, ибо Христосъ умеръ за грѣхи «всего міра» (1 Іоан. 2, 2; ср. Римл. 8, 19—23)!.. Слѣдовательно, и *весь міръ* можетъ стать достойнымъ подражательной любви христіанина, если только облечется во Христа.

Изъ взгляда Апостоловъ на міръ ясна несправедливость и другого обвиненія, по которому Апостолы якобы учили, что вся вообще въ мірѣ плоть противоположна духу, какъ зло—добру, какъ проклятое, бѣсовское—святому, божескому; что, въ частности, тѣло въ человѣкѣ есть нѣчто непскупимо-грѣшное, звѣрское, скотское и вся животная стихійная природа—порожденіе діавола; что, «жить въ Богѣ—значитъ жить внѣ тѣла». и святость значитъ безтѣлесность, безплотность!..

Мнѣ кажется, что болѣе глубокаго непониманія ученія Апостоловъ о плоти и духѣ и представить себѣ нельзя! «Плоть желаетъ противнаго духу, духъ—противнаго плоти; они другъ другу противятся», говоритъ Ап. Павелъ (Гал. 5, 17). Но о какой «плоти» и о какомъ «духѣ» онъ говоритъ и что подъ ними разумѣетъ? Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что ученіе о «плоти» и ея отношеніи къ

«духу» красной нитью проходитъ чрезъ всѣ Апостольскія посланія и особенно Павловы. Почти всюду раздается протестъ противъ жизни «во плоти» и призывъ къ жизни «по духу». Но, при этомъ, всюду, гдѣ слышится такой протестъ, подъ «плотью» разумѣется не міровая матерія съ ея законами и, въ частности, не тѣло человѣка, а «духъ», противный «духу Божьему», царящій въ «мірѣ семъ» и дѣйствующій въ сынахъ противленія (Ефес. 2, 2). Вотъ почему и человѣкомъ, живущимъ «по плоти», или что тоже: «душевнымъ», «плотскимъ» называется тотъ кто всѣмъ своимъ существомъ (и тѣломъ и душею) живетъ внѣ благодатныхъ даровъ «Духа Христова», кто во всей своей жизни руководится не «духомъ Божіимъ», а «духомъ міра сего» (Римл. 8; 1 Корино. 2, 12—14, 3, 3; Іуд. 19). Тотъ-же, кто имѣетъ въ себѣ «духа Божія» и всю свою жизнь направляетъ «по духу Христову», избѣгая «духа противленія», называется человѣкомъ «духовнымъ» или «живущимъ по духу» (Римл. 8; 1 Кор. 2, 5; Гал. 5, 25; Ефс. 2, 2). Отсюда понятно, что такая «плоть» и такой «духъ» дѣйствительно, по самому существу своему, противоположны и «другъ другу противятся»; ибо, что общаго у свѣта со тьмою? какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда Апостолы говорятъ о тѣлѣ и душѣ человѣка они никогда не противополагаютъ ихъ, какъ зло—добру, какъ бѣсовское—божескому, но признаютъ ихъ по самому существу ихъ, «*Божіими*» (1 Кор. 6, 15—20). И если,

по ученію Апостоловъ человѣкъ можетъ погубить тѣло свое, то также онъ можетъ запятнать и душу свою, ибо и тѣломъ и душею можетъ оказаться во власти «князя міра сего» (1 Тим. 4, 1—2; 1 Сол. 5, 2 3; Ефес. 4, 3). Печать Божія, а не діавольская лежитъ, по Ап. Павлу, и на всей животной стихійной природѣ (Римл. 1, 20) и на всей твари, которая также должна принять участіе въ «славѣ дѣтей Божіихъ» (Римл. 8, 19—21). И никогда Апостолы не вели брани противъ крови и плоти (Ефс. 6, 12). Напротивъ, всегда они поучали, чтобы христіане любили свои тѣла, питали и грѣли свою плоть (Ефс. 5, 28—29) и лишь не оскверняли ее жизнью «*плоти иной*»—языческой (Іуд. 7—8; Рим. 1, 24). «Тѣло для Господа, говоритъ Ап. Павелъ, и Господь для тѣла... Ваши тѣла суть члены Христовы... и храмъ живущаго въ васъ Св. Духа.., посему «прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи... представьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу» (1 Корине. 6, 13—15, 19—20; Римл. 12, 1)... Всегда, какъ только заходила рѣчь о человѣкѣ, Апостолы высказывали пожеланіе, чтобы онъ святъ былъ и тѣломъ и духомъ, чтобы Богъ освятилъ его во всей полнотѣ: «и вашъ духъ и душа и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока»... (1 Корине. 7, 34; 1 Солун. 5, 23), чтобы «жизнь Іисусова открылась и въ тѣлѣ нашемъ» (2 Кор. 4, 10). Этому-же тѣлу человѣка они предназначили преображеніе сообразно

славному Тѣлу воскресшаго Христ и затѣмъ воскресеніе для жизни вѣчной на небесахъ (1 Коринѳ, 15. гл. Филип. 3, 20—21)!... Здѣсь плоть достигла той степени славы, до которой она уже дошла въ древне-іудейскомъ мірѣ,—славы своего «воскресенія изъ мертвыхъ» или безсмертія. Но «историческое» христіанство на этомъ не остановилось и пошло дальше по пути прославленія «плоти». Великая благочестія тайна: Богъ явился во плоти», говоритъ Ап. Павелъ, такъ что «во Христѣ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно» (Колос. 2, 9; 1 Тит. 3, 16)!.. Обожествленіе человѣческой природы въ истинномъ воплощеніи Бога-Слова: вотъ кульминаціонный пунктъ прославленія плоти!.. Обожествленная и въ то-же время безсмертная плоть, Плоть, искупившая міръ, Плоть, предлагаемая въ пищу и Кровь—въ питіе желающимъ наслѣдовать жизнь вѣчную: какъ все это не вяжется съ обвиненіемъ въ «умерщвленіи Плоти»!.. Когда же и гдѣ же «тайна Воскресенія Плоти» открылась полнѣе и святѣе [1])?!. Когда и гдѣ духъ воплотился и плоть одухотворилась болѣе, чѣмъ въ «историческомъ» христіанствѣ?!. И не здѣсь ли

[1]) Іудеи признавали воскресеніе мертвыхъ, но обожествленіе человѣческой плоти въ воплощеніи Бога—Слова считали за самое вопіющее выраженіе языческаго безумія (св. Іустина муч. Dialog. c. Tryph. cap. 48, 50, 64, 67, 68). Язычники допускали возможность воплощенія Божества, но воскресеніе мертвыхъ считали за самое нелѣпое выраженіе человѣческаго суевѣрія (Минуція феликса Octavius c. 11).—См. брш. В. Несмѣлова: «вопросъ о смыслѣ жизни» стр. 10 прим. 1.

хранится ключъ къ разгадкѣ тайны святого соедине
нія Духа и Слова съ Плотью и Кровью?!. Не здѣсь-ли
съ поразительной ясностью возвѣщены: «*плоть свя-
тая*» и «*духъ святой*» и отграничены отъ «*плоти
иной*»—съ «тѣломъ грѣховнымъ» и со «сквернымп по
хотьми» и отъ «*духа заблужденія*» или «противленія»
Іуд. 7, 8, 23; Ітр. 2, 10; Рпмл. 7, 18, 1 Іоан. 4, 1—6)?!
Не о томъ старайтесь, говоритъ «историческое»
христіанство, чтобы отвергнуть *всякую* плоть и *всякій*
духъ, а лишь о томъ, чтобы «очистить себя отъ
всякой скверны плоти и духа» и хранить « *святыню*»
(плоть и духъ) въ страхѣ Божіемъ (2 Кор. 7, 1).

Послѣднія слова Апостола—это та великая пе
чать, которой запечатлѣно все «историческое», «ви
зантійское», православное христіанство, со времен
Апостоловъ и донынѣ, въ своемъ отношеніи к
«духу» и «плоти». И никогда православное христі
анство не отрекалось отъ «*міра святаго*», отъ пло
ти и духа *святыхъ*, но всегда осуждало «міръ грѣш
ный», «плоть иную» (Іуд. 7) и «духа заблужденія»
Съ этой точки зрѣнія оно всегда готово было при
знать *всякую* форму воплощенія духа, *всякую* форм
соединенія духа съ плотью, какъ только находил
въ ней *святой* духъ и *святую* плоть. Произведені
спеціально-ли богословской или научно-философско
мысли, творчества и особенно художественнаго: ли
тературы, живописи, скульптуры, архитектуры
музыки, искусство театральное—все признавалось
освящалось Православной Церковью, коль скоро он

находила въ этомъ лишь многообразное выраженіе *одной и той-же* идеи насаждаемаго ею Царства Божія на землѣ. Посему, глубоко несправедливъ упрекъ въ томъ, что въ «историческомъ христіанствѣ» искусство якобы не можетъ быть святымъ [1])!... Если Православная Церковь и отрицала искусство, то *не всякое*, а лишь развращающее; но она же и освящала искусство и опять *не всякое*, а лишь передающее чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей и согласныя съ ея жизнепониманіемъ [2]). Интересна въ этомъ случаѣ небольшая историческая справка: «святый вселенскій соборъ сей совершенно возбраняетъ быти смѣхотворцамъ и ихъ зрѣлищамъ, такожде и зрѣлища звѣрныя творити и плясанія *на позорищи* [3]). Аще-же кто настоящее правило презритъ и предастся которому либо изъ *сихъ возбранныхъ* увеселеній: то клирикъ да будетъ извержень изъ клира, а міряннинъ да будетъ отлученъ отъ общенія Церковнаго... Никому изъ числящихся въ священномъ чинѣ, ни монаху, не позволяется ходити на конскія ристалища, или присутствовати на *позорищныхъ* играхъ. И аще кто изъ клира званъ будетъ на бракъ: то при появленіи игръ, служащихъ *къ оболщенію*, да возстанетъ, и тотчасъ да удалится: ибо такъ повелѣваетъ намъ ученіе

1) «Нов. Путь» Март. стр. 143—144.

2) См. и у Л. Толстого: «что такое искусство» м. 98: стр. 147—150, 503—505.

3) Курсивъ нашъ.

отецъ нашихъ... Дѣтямъ священниковъ не пред ставлять мірскихъ *позорищъ* и не зрѣти оныхъ. Сіе же и всѣмъ христіанамъ всегда проповѣдуемо было да не входятъ туда, гдѣ бываютъ *хуленія*» (6 Всел соб. пр. 24 и 51; Кароаг. соб. пр. 18-е). Ясно, что тамъ, гдѣ идутъ *позорныя* зрилища, игры, раздираю щія душу ристалища, гдѣ раздаются *хульныя* и *обольстительныя* рѣчи,—тамъ не мѣсто христіанину. И если когда-либо Церковь освятитъ искусство въ духѣ «Елены Прекрасной», то это будетъ съ ея стороны паденіемъ до глубины ада и потерею Лика Христова!... Тогда и у насъ воцарится культъ «Николаитовъ», чего такъ желаютъ Андреевы, Горькіе и имъ подобные!..

Правда, если-бы обвиненія въ «умерщвленіи плоти» и въ «отрицаніи искусства» раздавались по адресу древнихъ докетовъ или современныхъ: хлыстовъ, скопцовъ, духоборцевъ, молоканъ-уклеинцевъ и духовныхъ штундистовъ, то, въ большинствѣ случаевъ, пришлось бы согласиться съ справедливостью этихъ обвиненій. Но, когда слышишь тѣ-же упреки по адресу Православной Церкви, которая осудила всѣхъ этихъ сектантовъ, изувѣрно бичующихъ и оскопляющихъ свою плоть, или проповѣдующихъ чисто-духовное служеніе Богу, то не знаешь, чему больше удивляться: отсутствію-ли въ «прокурорахъ» чувства справедливости, или ихъ способности высказывать смѣлыя сужденія въ почти что невѣдомой для нихъ области?!..

Но если православное христіанство и неповинно въ предъявленныхъ къ нему «новопутейцами» обвиненіяхъ, то отсюда еще далеко до солидарности его съ «новымъ вселенскимъ христіанствомъ» Мережковскаго. Не солидарность, а глубокая пропасть, по нашему мнѣнію, лежитъ между православіемъ и «Религіею Конца». Никогда православная Церковь, во-первыхъ, не признаетъ «святости *всякаго* тѣла» и «духовности *всякой* плоти», какъ того требуетъ «религія конца». Никогда она, далѣе, не пріиметъ и не освятитъ *всѣхъ* благъ культуры и никогда не поставитъ равенства между двумя безднами: «бездной нижней»—землею и «бездной верхней»—небомъ [1]). Оставаясь вѣрной завѣтамъ Христа, она всегда будетъ считать «*святой*» лишь плоть, обрѣзанную во Христѣ (Колос. 2, 11) и «*святымъ*» лишь духъ, живущій во Христѣ. Посему и культура въ православной Церкви только та—«*святая*», которая запечатлѣна духомъ Христовымъ и земля только тогда—«*святая*», когда на ней жизнь течетъ по небесному идеалу, а не по отдѣльному отъ этого идеала—идеалу земли.

Достаточно, хотя на мигъ, допустить отдѣльное бытіе и равноправіе двухъ идеаловъ: земного и небеснаго, какъ связь между «бездною нижнею и «бездною верхнею» порывается, человѣкъ начинаетъ созна-

1) «Л. Тол. и Дост.» 1900 г. ч. I и II, стр. 59, 122, 131; «Нов. Путь» янв. «записки р. ф. собр.» 32 стр. и мар. 123, 145.

вать себя исключительно гражданиномъ земли и вс
цѣло погружается въ насажденіе и развитіе на земл
культуры и цивилизаціи, съ цѣлью порабощенія себ
всего міра... И только на вершинѣ своего земного м
гущества онъ какъ-бы срывается и летитъ въ бездо
ную пропасть... Только тогда въ немъ съ поразител
ной ясностью говоритъ сознаніе, что «скудны всѣ зе
ныя силы: разсвирѣпѣетъ жизни зло»..., и что вся бе
мѣрная масса его труда и пролитое имъ море кров
и слезъ не дали ему и капли счастія, внутренняго по
коя, душевнаго рая... Только тогда онъ съ ужасом
видитъ, какъ:

«Прогрессъ подвигается,
И не видно движенью конца:
Что сегодня постыднымъ считается,—
Удостоится завтра вѣнца»...

И вотъ онъ жаждетъ идеала вѣчнаго, неизмѣн
наго, какъ Богъ, идеала небеснаго: «будьте совер
шенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный»
этому идеалу онъ подчиняетъ всю землю и себ
сознаетъ лишь „странникомъ и пришельцемъ н
землѣ», для котораго «отечествомъ» служитъ «небо
Съ этого момента онъ уже стремится къ жизни п
идеалу своего вѣчнаго жилища и только этимъ иде
аломъ мѣритъ *святость* всего земного. Такова исто
рія скитаній человѣка въ этомъ мірѣ. И *православ*
ная Церковь прекрасно помнитъ уроки *жизни*
ими свидѣтельствуетъ дѣйствительность и святост
только одного идеала для всей земли—это идеал
небеснаго, или «бездны верхней» (Мѳ. 5, 48), ко

торой подчинена, а несоподчинена «бездна нижняя». Движеніе въ мѣру возраста этого идеала и признается Церковью за *истинный прогресс* на землѣ.

Посему, если православная Церковь желаетъ оставаться вѣрной Лику Христову, если она не дорожитъ мертвыми, но обольстительными призраками, то она должна быть тѣмъ, чѣмъ была и есть. Всякая попытка вступить на «*Новый Путь*» будетъ не «Религіею Конца,», а «Концомъ Религіи» и не «Новымъ Вселенскимъ христіанствомъ», а «Новымъ Вселенскимъ хожденіемъ по стихіямъ міра»! Въ этомъ какъ нельзя лучше убѣждаетъ насъ откровенная статья г. Минскаго: «о свободѣ религіозной совѣсти» [1]), по которой мы знакомимся съ основнымъ взглядомъ «новопутейцевъ» на религію вообще и, въ частности, на религію христіанскую.

По мнѣнію г. Минскаго: «религіозная истина и святость, подобно хлѣбу, дается намъ не вся сразу, а на каждый день, по мѣрѣ нашихъ потребностей и силъ, сообразно нашимъ личнымъ и національнымъ особенностямъ. И тутъ завтрашній день заботится самъ о себѣ... Пониманіе истиннаго духа христіанства не имманентно Церкви, а развивается въ ней постепенно... и сущность христіанства заключается, главнымъ образомъ, въ «*неизсякаемости* религіознаго творчества»... Посему-де «православная Церковь, какъ и всякая другая, не можетъ считать свое пониманіе Бога столь-же абсолютнымъ, какъ

[1]) «Нов. Путь» янв., стр. 10—27.

самое бытіе Бога. Всякая ересь для нея должна казаться лишь человѣческой ложью, сравнительно с содержимою ею также человѣческою истиной; не признать ее абсолютнымъ зломъ—дѣло Божіе. Рядомъ съ этой ложью и моею истиной есть истина вѣчная, Божеская, а кто предъ ней окажется правъ—отъ меня скрыто» [1] ... Выходя изъ того взгляда что «сущность христіанства—въ неизсякаемости религіознаго творчества» и что «неизсякаемое творчество» отнюдь не можетъ мириться съ вѣчностью и неизмѣняемостью твореній, г. Мережковскій возстаетъ противъ всего вѣчнаго и неизмѣняемаго въ христіанствѣ—противъ христіанской догматики: «разрушеніе догматики, говоритъ онъ, не только не вредитъ, а болѣе чѣмъ что-либо содѣйствуетъ возможности истинной (?!.) религіи» [2] ...

Итакъ, по взгляду «новопутейцевъ», въ области религіи вообще, и, въ частности, религіи христіанской царитъ вѣчный прогрессъ, все движется впередъ и нѣтъ ничего вѣчнаго, безусловнаго!.. Православная, какъ и всякая другая, Церковь владѣетъ истинами лишь *человѣческими*, которыя пред

[1] «Нов. Путь» янв., стр. 21—23; 27. Съ этой точки зрѣнія для сектъ, отрицающихъ божество Іисуса Христа и предающихся самому дикому изувѣрству и разврату, есть полная надежда на правоту предъ Богомъ... и даже Христомъ...

[2] «Л. Тол. и Дост.» 1900 г. ч. I и II, стр, 169. Очевидно, что Христосъ и Апостолы, по «новопутейскому» богословствованію, заблуждались когда клали догматы въ основаніе своего вселенскаго зданія!..

судомъ Божіимъ могутъ оказаться ложью, и, наоборотъ, то, что считалось церквами за ложь,—правдой. Словомъ, ни одной изъ христіанскихъ церквей не присуще сознаніе *Божественной* правды, ни одному человѣку неизвѣстно мѣрило *Божественнаго* правосудія! Все человѣчество, всѣ христіане блуждаютъ въ потьмахъ и, ища Бога, не находятъ Его. Если-же кто скажетъ: позналъ Бога,—ложь говоритъ, ибо знать Бога—значитъ творить волю Его, а воля Божія скрыта отъ человѣка [1]). Какое поистинѣ трагическое положеніе: искать, томиться, страдать,—и такъ до конца!... Неужели въ этомъ сказалась любовь Божія къ міру, для спасенія котораго Онъ послалъ Сына Своего Единороднаго?!... Неужели Христосъ для того и приходилъ въ міръ, для того и пострадалъ, чтобы подвергнуть человѣка еще большой пыткѣ нравственно-религіозныхъ томленій?!. И какая жестокая пытка: знать, что Богъ есть и требуетъ исполненія воли Его и не знать, да что-же нужно дѣлать, чтобы творить волю Его!.. Нѣтъ, не для того приходилъ Христосъ чтобы погрузить человѣчество въ еще большій мракъ, чтобы бросить его въ объятія призраковъ истины, но для того, чтобы повѣдать ему волю Божію о немъ и при томъ волю, доступную для пониманія и исполненія: «вамъ дано знать тайны Царствія Небеснаго»

---

[1]) Вотъ почему г. «Новопутеецъ» на всѣ мольбы къ нему: «раскройте вашу душу, раскажите, какъ *вы* нашли *своего* Бога» («Нов. Путь» февр. стр. 162) молчитъ и... молчитъ!.

и всѣмъ, у кого сердца не огрубѣло (Мо. 13, 11—16) и «кто будетъ исполнять волю Отца Моего Небеснаго, тотъ Мнѣ братъ»... (Мо. 12, 50). Эта воля Божія, во всей ея необходимой для человѣка полноты и чистотѣ, возвѣщается въ Церкви Христовой, которая есть «столпъ и утвержденіе истины». Посему-то отступленіе отъ истины, содержимой *Церковью*, всегда признавалось Христомъ и Апостолами за отступленіе отъ *правды Божественной*. И если человѣкъ *постепенно* ростетъ въ мѣру полнаго возраста Христа (Ефес. 4 гл.), то не потому, что ему постепенно открывается возрастъ Христовъ, а только потому, что онъ не въ силахъ сразу стать взрослымъ во Христѣ. Но какъ «молоко», такъ и «твердая пища» *разъ навсегда* даны намъ Христомъ чрезъ св. Апостоловъ и иной «пищи» православная Церковь не пріиметъ. Вотъ почему разныя члены Церкви Христовой въ одно и то-же время стояли на разныхъ ступеняхъ совершенства во Христѣ: предъ ними въ Церкви былъ сосудъ съ благодатью *полнаго* возраста Христова, но каждый черпалъ изъ этого сосуда лишь сколько могъ вмѣстить, стремясь къ большему воплощенію въ себя *хранимаго Церковью* идеала Христа.

Эволюція въ области хранимаго Церковью религіознаго идеала, а тѣмъ болѣе «разрушеніе христіанской догматики» равносильно полному уничтоженію христіанства, или по меньшей мѣрѣ, низведенію христіанской Церкви въ разрядъ «политическихъ

учрежденій», вмѣстѣ съ которыми она поневолѣ должна будетъ прилаживаться и жить въ мирѣ съ «мудростью міра сего»... Въ этомъ случаѣ христіанство переустраивается по символу современной культуры, цивилизаціи и прогресса, но не наоборотъ— не современная жизнь направляется въ русло вѣчнаго религіознаго идеала. Отъ христіанства вскорѣ останется только пустой звукъ и если оно еще терпится, то только ради приличія или какъ необходимая до времени маска... Я не понимаю, какъ можно серьезно признавать возможность религіи безъ абсолюта, безъ догматовъ, когда даже естествознаніе, чего теперь не скрываютъ, опирается на догматъ?!.

Если «Религія Конца» не въ силахъ намъ повѣдать правду Божественную, истину вѣчную и неизмѣнную, то въ этомъ и заключается ея самая великая ложь, ея самоосужденіе. «Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся», говоритъ Христосъ. Нѣтъ, отвѣчаетъ «Новый Путь»: несчастны алчущіе и жаждущіе правды, ибо правда скрыта отъ нихъ!.. Дальше идти некуда. Здѣсь предѣлъ. Здѣсь та вершина земной мудрости, чистоземного идеала, достигнувъ которого человѣкъ срывается и летитъ въ пропасть. Въ этомъ еще разъ сказалась великая истина, что между земнымъ и небеснымъ идеаломъ не равенство, а глубочайшая рознь и что нельзя требовать принятія земли, какъ неба, но нужно землю подчинить небу и небесный

идеалъ воплощать на землѣ [1]). Къ сожалѣнію «новопутейцы», упиваясь собственною мудростью, не только не хотятъ видѣть этого, но даже требуютъ отъ православной Церкви «освященія и благословенія» ихъ «Новаго Пути»! И въ этомъ послѣднемъ ихъ требованіи снова сказалась присущая имъ «принципіальная хаотичность». Вѣдь если православная Церковь, какъ и всякая другая, обладаетъ истиной лишь человѣческой, которая предъ Богомъ можетъ оказаться ложью, то зачѣмъ освящать свой путь такою проблематическою «святостью»?!. И какъ непростительна ложь утвержденія, что «Новый Путь»—это путь Гоголя, Достоевскаго и Вл. Соловьева!.. Нѣтъ,—это путь «*Конца Религіи*» и ясно намъ говоритъ, что:

«Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, *ропщетъ и бунтуетъ*.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ!..
И сознаетъ свою погибель онъ.
И жаждетъ вѣры... но о ней *не проситъ*».

---

[1]) Сознаніе глубочайшей розни между небеснымъ и земнымъ идеаломъ только однажды блеснуло у Мережковскаго («Нов. Путь» янв. «зап. р. ф. собр.» стр. 32); но блеснуло какъ-бы затѣмъ, чтобы снова померкнуть! Все-же яснымъ стало, что и у «короля новопутейцевъ» даже главное хромаетъ

Не освящать такой путь, не тризну править
адъ Христомъ и идеаломъ вѣчнымъ, небеснымъ,
олжна православная Церковь, а лишь молиться:
а направитъ Господь стопы «Новаго Пути» къ ал-
арю православнаго храма!..

ЦѢНА **30** КОП.
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ **35** КОП.

Продается въ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и у автора „Харьковъ, Малая Панасовская, № 35". Тамъ-же можно имѣть и брошюру того-же автора: „Орловскій миссіонерскій съѣздъ въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти"—(по поводу доклада М. А. Стаховича). Цѣна съ перес. 75 коп.

2007041208